

На войне как на войне

Кажется, воевали наши фронтовики, по большому счету, в одном окопе, а войну каждый увидел по-своему. Удивительные эпизоды из своей фронтовой юности вспомнил во время нашей недавней встречи ветеран из поселка Вакина Иван Тимофеевич БОНДАРЕВ. Фронтовик, разменявший девятый десяток, с особой теплотой хранит память о том, как и среди чудовищных военных будней люди были способны на человечность и сострадание, как умели ценить крохи простых радостей даже на передовой.

— Иван Тимофеевич, сегодня понятие «патриотизм» у многих вызывает противоречивые чувства. А что было патриотизмом для вашего поколения?

— Моя мать Варвара Петровна одна растила нас троих. Когда накануне войны меня призвали в 175-й стрелковый полк, охранявший Днепрогэс, она имела право просить для сына отсрочки. Но ни она, ни я даже в мыслях не держали воспользоваться такой льготой. Мать заявила, что справится со всеми семейными

ответственность развернул наш безоружный эшелон в обратную сторону. Состав буквально выскользнул из рук наступавших немцев, бомбежка следовала за нами по пятам. Едва состав проскакивал станцию, как на нее обрушивались бомбы. Мы уцепились за деревья, чтобы попасть из огня в поляны

привести приказ в исполнение. Выстрел — осечка. Второй залп очередью — и опять автомат, нахлебавшийся волжского песка, дал сбой. По фронтовой неписаной заповеди, такое чудо равносильно помилванию. Командиры переглянулись, порвали в клочки приговор и отправили смертника в окоп. Я всю войну прошел со своим полком и позже специально узнавал: парень прекрасно воевал и даже был награжден за отвагу.

— Рассказывают, что окруженным под Сталинградом немцам с самолетов сбрасывали посылки, в которых были даже сливочное масло и шоколад.

— Было такое. Мы, кстати, научились перехватывать этот трофейный шоколад, имитируя ракетницами условный сигнал для немецких самолетов. Позже фашистам стало не до деликатесов. Прокормить 90 тысяч сталинградских пленных для нашей армии оказалось неожиданной и трудной задачей. Тут уж обмороженные в своем демисезонном обмундировании немцы были рады и куску хлеба. От Сталинграда

денные бандиты. Позже подтерпелись, что командир не ошибся: черная рота сражалась бесстрашно. За неделю штрафники уничтожили два десятка немецких танков.

— На войне хватало горя и слез, но, наверное, случались и забавные житейские истории?

— В Белоруссии во время относительного затишья в нашей части после долгого перерыва решили устроить банный день. Установили палатку, растопили печь, нагнали воды и собрали у бойцов всю одежду для санобработки. И только голое воинство приступило к помывке — прилетел лихой со свастикой. Увидел дымок над палаткой и стал прищельно закидывать ее снарядом. Легкое сооружение слетело, бойцы — враспылку, зарылись в сугробы. К счастью, все остались целы, но обмундирования лишились полностью. Пришлось одалживать галифе и гимнастерки в соседней части.

— Иван Тимофеевич, а какая репутация была у вас — молодых ветеранов после войны?

— Уголовники нас боялись.

Кажется, воевали наши фронтовики, по большому счету, в одном окопе, а войну каждый увидел по-своему. Удивительные эпизоды из своей фронтовой юности вспомнил во время нашей недавней встречи ветеран из поселка Вакина Иван Тимофеевич БОНДАРЕВ. Фронтовик, разменявший девятый десяток, с особой теплотой хранит память о том, как и среди чудовищных военных будней люди были способны на человечность и сострадание, как умели ценить крохи простых радостей даже на передовой.

— Иван Тимофеевич, сегодня понятие «патриотизм» у многих вызывает противоречивые чувства. А что было патриотизмом для вашего поколения?

— Моя мать Варвара Петровна одна растила нас троих. Когда накануне войны меня призвали в 175-й стрелковый полк, охранявший Днепрогэс, она имела право просить для сына отсрочки. Но ни она, ни я даже в мыслях не держали воспользоваться такой льготой. Мать заявила, что справится со всеми семейными трудностями сама, а ее сын должен служить Родине. К войне уже готовились: в полку нас обучали владению всеми видами оружия, мы подолгу жили в зимних лагерях, осваивали другие военные навыки. И все же в 41-м фронтовая практика преподнесла всем нам много тяжелых уроков.

— Если вы все же остались живы, значит, ошибки не были непоправимыми?

— В августе 41-го для меня и еще полутора тысяч солдат, отправленных после госпиталей и переподготовки частей из Москвы в Брянск, все могло закончиться самым трагическим образом. Нас полностью обмундировали, но винтовок не дали, и полный эшелон безоружных солдат двинулся на передовую! Нас немедленно ждали смерть или плен. Спасибо, под Брянском на железнодорожной станции оказался смелый военачальник, который под собственную от-

ответственность развернул наш безоружный эшелон в обратную сторону. Состав буквально выскользнул из рук наступавших немцев, бомбежка следовала за нами по пятам. Едва состав проскакивал станцию, как на нее обрушивались бомбы. Мы уцепились за деревья, чтобы попасть из огня в поляны — под Сталинград.

— Мне доводилось слышать от фронтовиков, что гвардейцев всегда бросали на самые опасные участки фронта.

— Так и было. Последний рубеж у Волги кроме нас, гвардейцев, держала и отчаянно храбрая морская пехота. Наше воинство так обороняло полосу песка в 200 метров на волжском берегу, что позже, когда немцы окружили со всех сторон, они сдались везде, кроме нашего участка. Боялись этого рубежа как огня. В штабе недоумевали, почему у нашей сводной части нет пленных: «У вас что там — немцев нет?»

— Иван Тимофеевич, я понимаю, что звание гвардейца стрелкового полка НКВД предполагало особую моральную стойкость. Но есть ведь предел человеческих возможностей: сколько можно выдержать в окопе под ежедневной, методичной бомбежкой?

— Я давал присягу на верность воинскому долгу и всегда об этом помнил. И особенно в тот период, когда нас каждый день с арийской аккуратностью с девяти утра и до семи вечера непрерывно утюжили 50-60 бомбардировщиков. Лежачих раненых ночью отправляли на баржах, остальные наутро принимали бой. С августа 42-го по февраль 43-го я только один раз видел, как потерявший самообладание молодой боец бросился наутек к Волге. Это не имело никакого смысла: наведенный ночью на реке понтон утром вражеские бомбардировщики разнесли в щепки. Парня поймали, поставили на колени у свежевырытой могилы и зачитали смертный приговор, вынесенный дезертиру фронтовой тройкой в составе командира части, замполита и представителя Смерша. Из ближайшего окопа вытащили автоматчика

ского песка, дал сбой. По фронтовой неписаной заповеди, такое чудо равносильно помилванию. Командиры переглянулись, порвали в клочки приговор и отправили смертника в окоп. Я всю войну прошел со своим полком и позже специально узнавал: парень прекрасно воевал и даже был награжден за отвагу.

— Рассказывают, что окруженным под Сталинградом немцам с самолетов сбрасывали посылки, в которых были даже сливочное масло и шоколад.

— Было такое. Мы, кстати, научились перехватывать этот трофейный шоколад, имитируя ракетницами условный сигнал для немецких самолетов. Позже фашистам стало не до деликатесов. Прокормить 90 тысяч сталинградских пленных для нашей армии оказалось неожиданной и трудной задачей. Тут уж обмороженные в своем демисезонном обмундировании немцы были рады и куску хлеба. От Сталинграда наш эшелон и состав с пленными шли по соседним путям. Голодные оборванцы просили у нас хлеба, и мы перебрасывали им буханки из жалости. А в знак благодарности обратно летели нам в руки немецкие часы. Конвоиры смотрели на этот обмен сквозь пальцы. Пленные уже отвоєвались, а у нас впереди была Курская дуга.

— Иван Тимофеевич, а какое отношение было у гвардейской элиты к штрафным ротам в черных эзовских ватниках?

— Воевали они хорошо — сам видел под Курском. Оказаться в военном горниле для них был шанс заново переписать свою биографию без тюремных страниц. Наш командир полка — бывалый военный, участник финской кампании, поменял зеленое, несобственное пополнение на батальон соликамских эзков. Это были не политические, а реж-

ники уничтожили два десятка немецких танков.

— На войне хватало горя и слез, но, наверное, случались и забавные житейские истории?

— В Белоруссии во время относительного затишья в нашей части после долгого перерыва решили устроить банный день. Установили палатку, растопили печь, нагнали воды и собрали у бойцов всю одежду для санобработки. И только голое воинство приступило к помывке — прилетел лихой со свастикой. Увидел дымок над палаткой и стал прищельно закидывать ее снарядом. Легкое сооружение слетело, бойцы — враспылку, зарылись в сугробы. К счастью, все остались целы, но обмундирования лишились полностью. Пришлось одалживать галифе и гимнастерки в соседней части.

— Иван Тимофеевич, а какая репутация была у вас — молодых ветеранов после войны?

— Уголовники нас боялись. Некоторое время с четырьмя однополчанами я жил в Туле, и наши батальоны с местной «черной кошкой» закончились тем, что шайка ретировалась из города.

— Скажите, Иван Тимофеевич, а почему вы так и остались гвардии старшиной в отставке? Вы никогда не думали о военной карьере?

— Думал, но еще с фронта понял для себя, что мне легче сложить голову самому, чем нести груз ответственности за гибель других. И хотя я почти 60 лет при воинской части в поселке Вакина, душой я в школе, которой руководила супруга. И с удовольствием уже несколько лет веду для детей кружок художественной соломки. А военную династию продолжил сын, уже подполковник.

Светлана АНИКИЕНКО